

**Наталья
Сергеевна
Авилова
(1915–2003)**

Наталья Сергеевна Авилова, которой в 2015 году исполнилось бы сто лет со дня рождения, проработала в Институте русского языка Академии наук 32 года (с 1947 по 1979), начав с младшего научного сотрудника, а закончив доктором филологических наук. Ее хорошо помнят коллеги старшего поколения. Две ее монографии, посвященные изучению русского глагола, широко цитируются в современной научной литературе.

Путь в науку для Н.С. Авиловой сложился непросто. Она пережила все трудности послереволюционного, военного и послевоенного времени. Чтобы получить аттестат о среднем образовании, окончила рабфак, работая в Русаковском трамвайном депо и отчетно-экономическом секторе Наркомтяжпрома. После рабфака она не имела права поступать в университет как лицо «непролетарского происхождения». По окончании литфака пединститута имени А.В. Бубнова (впоследствии – МГПИ им. В.И. Ленина) по той же причине с трудом добилась разрешения учиться в аспирантуре у профессора М.Н. Петерсона, одного из представителей московской (фортунаатовской) школы, но тут началась война.

До 1947 года Н.С. Авилова работала в Народном комиссариате просвещения. Диссертацию «Вопросы глагольного суффиксального словообразования в современном русском литературном языке», написанную под руководством академика В.В. Виноградова, удалось защитить только в 1953 году.

В Секторе истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР Н.С. Авилова работала над одной из самых сложных и запутанных лингвистических проблем: теорией глагольного вида. В 1976 году вышла ее монография, переработанная затем в докторскую диссертацию: «Вид глагола и семантика глагольного слова». По отзывам, она «читается, как увлекательный роман». Специалисты считают ее фундаментальной работой по видам глагола. Но не менее широко используют исследователи и монографию «Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени: глаголы с заимствованной основой», изданную в 1967 году. Идеи, положенные в основу этой работы, родились в беседах с академиком В.В. Виноградовым, ее научным руководителем, человеком, как она сама утверждала, необычайной эрудиции и широты мышления. В общении с такими учеными, как «милейший и талантливейший» П.С. Кузнецов, В.Н. Сидоров, запомнившийся глубокими и интересными выступлениями, Н.С. Поспелов, который, уже не будучи сотрудником Института, прислал отзыв с высокой оценкой ее докторской диссертации, С.И. Ожегов, Н.Н. Прокопович, В.Д. Левин, М.В. Панов и другими, заключалось, по ее словам, «везение и счастье».

Монография В.В. Виноградова «Русский язык» «была набита», как она считала, «золотыми россыпями великих озарений». Из одной такой крупинки, касающейся глагольного вида, и была выращена кандидатская диссертация по словообразовательным типам глаголов III класса. На ее защите в 1953 году одним из оппонентов был С.И. Ожегов. В 1964 году главу о видах, написанную для «Очерков по истории литературного языка 19-го века» на многолюдном заседании В.В. Виноградов назвал «открытием и установлением новых закономерностей». Книжку о заимствованных глаголах он советовал представлять как докторскую диссертацию. И хотя Н.С. Авилова выбрала другую тему, она всегда очень тепло вспоминала своего руководителя, «гениального ученого и очень противоречивого человека».

Защита докторской диссертации 5 мая 1977 года была, по словам Н.С. Авиловой, «настоящей», с выступлениями и «за» и «против», последние она легко парировала. Вспоминала Наталья Сергеевна и что после защиты директор института Ф.П. Филин был очень доволен и с благодарностью жал ей руку. После публикации академической «Грамматики» в 1982 году группа составителей, куда входила и Н.С. Авилова, была награждена Государственной премией. С 1968 по 1976 гг. Наталья Сергеевна, по инициативе Н.Н. Прокоповича, преподавала в должности доцента в городском пединституте им. В.И. Ленина на кафедре русского языка и руководила аспирантами.

Наталье Сергеевне всегда было тесно в рамках теоретического языковедения. Врожденное чувство языка и ритма, насыщенная культурная

среда, в которой она выросла, привитая с детства любовь к классикам русской литературы определили «второе призвание» – углубленное изучение корифеев словесности: А.П. Чехова, М.А. Булгакова, И.А. Бунина, Л.Н. Толстого и других. Создавалось впечатление, что она не только проникла в их жизнь и творчество, а была близко знакома с самими классиками. Отчасти это объяснялось многолетней дружбой ее бабушки Л.А. Авилловой с А.П. Чеховым и И.А. Буниным, тетки Н.Ф. Страховой – с Л.Н. Толстым, а мужа В.М. Авилова – с М.А. Булгаковым. Родные словно завещали ей эти литературные связи. С Н.А. Ушаковой, вдовой одного из друзей М.А. Булгакова, Н.Н. Лямина, она поддерживала теплые отношения до конца ее жизни.

После кончины в 1952 году ее мужа, В.М. Авилова, Наталья Сергеевна разобрала и систематизировала его стихи, которые высоко ценил Валерий Брюсов. Несколько стихотворений ее стараниями было опубликовано позднее в журнале «Москва». В конце 1970-х в старых вещах, сложенных в коммунальной квартире, неожиданно обнаружили дневники бабушки Наталья Сергеевны, писательницы Лидии Алексеевны Авилловой, скончавшейся в 1943 году. Отдавая дань памяти полузабытой русской писательнице, Наталья Сергеевна тщательно разобрала эти рукописные страницы и составила из них сборник «Л.А. Авилова. Рассказы, воспоминания», вышедший в издательстве «Советская Россия» в 1984 году с ее подробными примечаниями и с предисловием И.А. Гофф. Благодаря огромному, по современным представлениям, тиражу в двести тысяч экземпляров, книгу и сегодня можно купить.

Стремление к анализу и популяризации русской классики сделали Н.С. Авиллову постоянным и верным автором журнала «Русская речь», в котором она печаталась регулярно с первого года его основания. Вот названия некоторых ее эссе: «Фру-фру» (1969), «Петухи опевают ночь» (1970), «Полуночная зарница» (1972), «Читая Пушкина» (1975), «О глаголе *воять* у И.А. Бунина в “Божьем древе”» (1999), «Речевые портреты в пьесе Л.Н. Толстого «Плоды просвещения» (2000), «Об одном стилистическом приеме Чехова» (2000). Эти и многие другие статьи были, по словам самой Н.С. Авилловой, «попыткой показать возможности изучения текстов классической литературы при минимальном их анализе. Такой подход к тексту, – пишет она, – во многом навеян трудами моего учителя академика В.В. Виноградова, он опирается на его лингвистические и текстологические исследования». Последняя статья «Письма Чехова из Ниццы» вышла в 2003 году.

Дополнением этих изысканий стало многолетнее сотрудничество с журналом «Русский язык» (приложение к газете для учителей и родителей «Первое сентября»). Это были и очерки по разбору текста классических произведений русских писателей, и популярные заметки с оттенком краеведения, например «Как летела Маргарита?». «Цель

такого эксперимента, считала Н.С. Авилова, дать возможность читателю самостоятельно погрузиться в прозаическое или поэтическое произведение с тем, чтобы текст говорил сам за себя при подсказке автора». Так появились статьи «Лермонтов и Чехов», «Осень в стихотворениях русских поэтов (Тютчев, Фет, Бунин)», «Пейзажи: Тургенев, Толстой, Чехов (опыт сравнительной характеристики)» и др.

Наталья Сергеевна помнила огромное количество стихов и по разным поводам часто цитировала строчки Тютчева, Фета, А.К. Толстого, Есенина и конечно, Пушкина. Она и сама писала стихи и, хотя не была о них высокого мнения, некоторые стали словами авторских песен. Скромный, обаятельный и чрезвычайно эрудированный человек, Наталья Сергеевна Авилова достойно пронесла знамя российской словесности через всю свою жизнь.

Архив Н.С. Авиловой составляют несколько тетрадей дневников, машинописные рукописи, посвященные отцу, мужу, внуку и подробные автобиографические очерки «Моя жизнь». В последние годы жизни она часто обращалась к Богу:

Он мне не показал возможности пути:
Мой путь ведет меня лишь к смерти.
И то, что мне останется пройти,
Лишь несколько шагов, поверьте!

И тот же будет писк синицы за окном,
И сиротливая для них кормушка – та же,
И скорбные цветы, склоняясь над столом,
Не утолят поутру жажды...

Но вы тогда прислушайтесь, любя:
Пусть по мне никто не плачет!
Вы любите и помните меня,
И только это что-то значит!

* * *

Далее мы печатаем не публиковавшуюся ранее статью Н.С. Авиловой
«Еще раз о М.А. Булгакове»

Вчитываясь вновь и вновь в некоторые труды и записи, посвященные М.А. Булгакову, нахожу отдельные моменты, которые прошли мимо внимания исследователей его жизни и творчества, а между тем они не

лишены интереса и иногда проливают свет на еще не ясные обстоятельства. Вот основные авторы, воспоминания и исследования о Булгакове которых я имею в виду: М.О. Чудакова [1], Е.С. Булгакова [2], Сергей Ермолинский [3], В.Я. Виленкин [4], А.М. Смелянский [5], Н.В. Шапошникова [6].

Известно, что Елена Сергеевна Булгакова отрицательно относилась к тому кругу друзей Михаила Афанасьевича, который именовал себя «детьми старой Москвы» и с которым у Михаила Афанасьевича была тесная дружба во время совместной его жизни с Любовью Евгеньевной Белозерской. (Ср. запись в дневнике Е.С.: «Не люблю я этот круг. И они меня не любят» [2. С. 253].)

Сам же Михаил Афанасьевич, а за ним и Елена Сергеевна, называли этот круг «Пречистенкой», поскольку все эти друзья жили в старом районе Москвы вокруг Пречистенки и Остоженки. После женитьбы Михаила Афанасьевича на Елене Сергеевне связь с прежними друзьями несколько ослабла, хотя и не порвалась. С теми, с кем М.А. особенно тесно дружил, эта связь сохранилась нерушимо. Такова была дружба с Николаем Николаевичем Ляминам и его женой Натальей Абрамовной Ушаковой. Обо всем этом круге друзей подробно написано в исследовании М.О. Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова» [1. Кн. II, гл. 4], а также в статье Н.В. Шапошниковой «Москва и москвичи вокруг Булгакова» [6]. Хочется только подчеркнуть в отношении Н.Н. Лямина, что это был высокообразованный интеллигент, специалист по западноевропейской литературе, сотрудник Государственной академии художественных наук (ГАХН), блестящий собеседник. Это был выходец из культурной купеческой среды, из семьи, каких было немало в начале века. Естественно, что он не мог не видеть отрицательных сторон существующего строя и не стеснялся высказывать об этом свое мнение.

Вот и 8 февраля 1936 года Н.Н. посетил Булгаковых в их квартире в Нащокинском переулке и, судя по дневнику Е.С., высказывал какое-то свое мнение и свои взгляды на происходящее в стране. Что именно говорил Н.Н., не записано. Следует заметить, что Е.С. записывает в своем дневнике преимущественно события и факты, не раскрывая содержания ведущихся у Булгаковых бесед. Может быть, это делалось в целях конспирации. Однако в одном месте дневника она выражает сожаление, что не владеет стенографией, так интересна была застольная беседа. Но и краткого содержания таких бесед обычно не записывалось. В первой редакции Дневника мы находим этому ее объяснение: «Я не знаю, кто и когда будет читать мои записи. Но пусть не удивляется он тому, что я пишу только о делах. Он не знает в каких страшных условиях работал Михаил Булгаков, мой муж» [2. С. 354]. Теперь, главным образом благодаря ее Дневнику, мы это знаем и отчетливо представляем.

Высказывания Н.Н. 8 февраля 1936 года, судя по записям Е.С., вызвали раздражение не только автора дневника, но и самого М.А. Об этом следующая запись: «Коля Лямин. После него М.А. говорил, что хочет написать роман или пьесу “Пречистенка”, чтобы вывести эту старую Москву, которая его так раздражает» [Там же. С. 112]. В первой редакции дневниковой записи: «Вчера был Коля Лямин и безумно *раздражил меня и Мишу своими пошлыми разговорами* (выделено мной. – Н.А.). Миша дал убедительную характеристику того круга, в котором Коля вращается. Коля притих и был подавлен» [Там же. С. 366].

Читатель дневника может подумать, что дружба М.А. с Н.Н. Ляминам сходит на нет, во многом становятся явными их разногласия. Между тем, внимательно вчитываясь в строки дневника, мы обнаруживаем, что двумя днями раньше, а именно 6 февраля 1936 года, М.А. объявил жене, что окончательно решил писать пьесу о Сталине [Там же. С. 112]. Зная бескомпромиссность и честность Булгакова, можно с полной уверенностью утверждать, что он не взялся бы за такую тему, если бы не убедил себя в том, что герой будущей пьесы является крупной личностью, достойной воплощения в пьесе. «Без чувства согласия с авторской совестью Булгаков работать не мог», – написал про него один исследователь [5. С. 281]. Да и выбран был романтический период молодости и становления личности «вождя». В.М. Лакшин в предисловии к книге «Воспоминания о Михаиле Булгакове» пишет, что взялся он за эту тему «не по расчету, но и не без расчета» [7. С. 31]. В.М. Лакшин имеет в виду, что, обдумав тему и осмыслив ситуацию, Булгаков добросовестно убедил себя в достоинстве темы, одновременно намереваясь пробить, наконец, брешь в отношении к своему творчеству, добиться возможности публиковаться. Впрочем, отметим, что такая точка зрения оспаривается, например, В.Я. Виленкиным в его книге [4] и в статье «Незабываемые встречи» [7. С. 301]. А.И. Смелянский, напротив, пишет, что М.А. совершил над собой насилие, взявшись за такую тему [5. С. 247]. Вопрос до сих пор остается, видимо, нерешенным.

И в этот момент, когда только что было принято такое ответственное решение, от всей души поддержанное Еленой Сергеевной, приходит его лучший друг Лямин, с мнением которого М.А. всегда считался, и разбивает своими рассуждениями с таким трудом выношенное решение. Именно в этом была причина резкого высказывания М.А. в адрес Лямина. И долгая пауза перед написанием пьесы.

Дальнейшее течение событий: арест Лямина в апреле 1936 года; его заключение в концлагере и послессылочное проживание в Калуге; активная его переписка с М.А.; нелегальный и очень рискованный приезд Лямина в Москву в 1940 году, чтобы проститься с умирающим М.А., – всё это показывает, что дружба М.А. с Н.Н. осталась нерушимой. Этот приезд Лямина не упоминается в Дневнике Е.С., равно как и то, что у

постели умирающего были, кроме самой Е.С. и Ермолинского, сестра М.А. Елена и жена Ермолинского Марика. Впрочем, последние дни М.А. в Дневнике не освещены. Не пишет об этом и Ермолинский в своих воспоминаниях, вообще не выделяющий Лямина из общего круга Пречистенки и не упоминающий о нем.

Особо хочется остановиться на судьбе писем М.А. к Н.Н. в концлагерь и Калугу. Н.А. Ушакова с обидой рассказывала мне, что Елена Сергеевна упрекала ее за уничтожение этих писем, сделав предположение, что письма были уничтожены потому, что Наталья Абрамовна побоялась скомпрометировать этими письмами мужа.

Между тем, будучи вторично арестованным в Калуге в начале войны, Н.Н. успел шепнуть, уходя, жене: «Уничтожь письма Маки», боясь скомпрометировать этими письмами Булгакова. Что и было исполнено Натальей Абрамовной. Эта история лишний раз подчеркивает отрицательное отношение Е.С. к «Пречистенке».

Вообще следует сказать, что стремление сделать из образа Е.С. икону, не подлежащую критике, как это у нас часто бывает в отношении описываемых в мемуарах лиц, и противопоставить Е.С. Любви Евгеньевне Белозерской, второй жене Михаила Афанасьевича (что особенно характерно для воспоминаний Ермолинского), не имеет под собой объективной почвы. М.А. ушел к Е.С. не потому, что ему было плохо с Л.Е., не потому, что Л.Е. плохо организовала его жизнь, а потому, что М.А. и Е.С. полюбили друг друга и вне зависимости ни от чего не могли жить друг без друга. А каковы были личные качества той и другой, ни друзьям Булгакова и, тем более не нам, судить. Точно так же М.А. ушел от Татьяны Николаевны Лаппа, когда влюбился в Любовь Евгеньевну. Все это были живые женщины со своими достоинствами и недостатками. Критикуя воспоминания Ермолинского и его трактовку ухода М.А. к Е.С. от Л.Е. Белозерской, с большой симпатией к последней написал рецензию на ее воспоминания И. Лосиевский [8]; см. также статью Н.В. Шапошниковой [6].

У меня есть основания иметь свое мнение по вопросам, затронутым выше, потому что мой покойный муж Всеволод Михайлович Авиллов был со студенческих лет (10-е годы XX века) в тесной дружбе с Н.Н. Ляминам, который в 20-е годы познакомил его с М.А. Булгаковым. В то время это была одна компания друживших и часто встречавшихся людей, что отмечено в воспоминаниях Любви Евгеньевны. Перечисляя членов этой компании, Л.Е. пишет: «Всеволод Михайлович Авиллов, сын писательницы Лидии Авилловой. По просьбе аудитории В.М. Авиллов неизменно читал детские стихи о лягушечке» [7. С. 201]. Отметим от себя, что это стихотворение Всеволода Михайловича носило название «Вовочкины сны» и имело успех в любой аудитории. Читались и другие стихи – всегда с неизменным успехом.

В исследовании М.О. Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова» подробно характеризуются окружавшие Булгакова в это время друзья, в частности, она пишет: «Назовем еще Лодю Авилова, – Всеволода Авилова, сына Лидии Алексеевны Авиловой (...)». В архиве Л.Е. Белозерской сохранился шуточный рисунок. В 1970 году, передавая его в Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, она рассказала нам, что именно на нем изображено. «Это вечеринка у Лоды Авилова, примерно в 1926 году. Спinoй к зрителю сам хозяин. Сергей Топленинов – за роялем. Слева – Василий Яковлев, художник. (...) Булгаков и Лямин сидят на полу, спорят о мировых проблемах...» [1. Кн. 2, гл. IV].

И позднее, в Нащокинском Всеволод Михайлович был как-то на чтении пьесы М.А. «Иван Васильевич» [2. С. 109].

Будучи знакома с Н.Н. Ляминами, дружна с его женой Н.А. Ушаковой до самой ее кончины в 1991 году, их близкими друзьями и родственниками Никитинскими, я как бы изнутри знаю и чувствую эту среду и это время. И потому беру на себя смелость категорически возражать против применения к Н.Н. Лямину эпитета «пошлый» (см. выше). И причина разmolвки М.А. с Н.Н. при внимательном чтении Дневника Е.С. становится совершенно понятной. Надо знать психологическую атмосферу того страшного времени 30-х годов, когда честные люди не могли не видеть окружающего, и в то же время постоянно провозглашаемые победы «на фронтах» коллективизации и индустриализации, Челюскинская эпопея, полеты через Северный полюс в Америку и т. д. как бы призывали быть участниками современной жизни, принимать ее достижения. Эта двойственность восприятия действительности была очень типичной для интеллигенции несмотря ни на что (делаю это замечание для современного читателя, который знает о 30-х годах только понаслышке и по литературе).

* * *

Еще некоторые замечания. Всегда задаешь себе вопрос: почему М.А. одно из самых берущих за душу мест романа «Мастер и Маргарита» начинает с обращения «Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля, как таинственны туманы над болотами! Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летал над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший».

Если бы М.А., будучи традиционно православным, обратился к единому Богу, это было бы понятно. Обращение же к античным богам кажется здесь неуместным. Объяснение можно почерпнуть из воспоминаний Л.Е. Белозерской, где говорится, как любил М.А. оперу Верди «Аида» и как часто напевал из нее арию, начинающуюся словами «Боги мои!» [7. С. 235].

Был ли Булгаков верующим? Ведь он вырос в семье традиционно православной, это вызывает сомнение в утверждении об его атеизме. Показательны его дневниковые записи 20-х годов: «Может быть, сильным и смелым он (Бог) не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче. Нездоровье мое осложненное, затяжное. Вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога» (26 октября 1923 г.); «Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет» (28 января 1924 г.) [10].

И Любовь Евгеньевна, и Елена Сергеевна применяют «знак» креста в своих записях. Только у Е.С. этот крест ярко сияющий, символизирующий любовь к ней М.А., высказанную в одну из хороших минут [2. С. 237]; а Л.Е. пишет о черном кресте – знаке их разлуки [7. С. 236]. Несомненно, что эта символика исходит от самого М.А. Она же употреблена им в его трудах о Мольере.

* * *

И еще одно замечание, совсем о другом. Ни одному из исследователей жизни и творчества М.А. не пришло в голову задать себе вопрос: почему М.А. называл сына Е.С. Сергея, жившего с ними, Немезидой, античной богиней мщениия [2. С. 137; 328]. Очень любя пасынка, подарив ему в 1935 году свою фотографию с надписью: «Вспоминай, вспоминай меня, дорогой Сережа. Твой любящий искренне М. Булгаков. 22/X 1935 г.», М.А. очевидно испытывал от присутствия Сергея определенные неудобства. Тем более, что квартира была небольшая, звуковые помехи были постоянно, и не только от шумных соседей. Об этом Е.С. неоднократно записывает в своем Дневнике, например: «Женя ночевал у нас, они шумом подняли нас чуть ли не в семь часов...»; «Дома – марочный психоз (...), поминутно мальчишки, мена, покупки, Женька с марками...» [Там же. С. 48; 246].

Особо хочется остановиться на истории портрета М.А., подаренного им Сереже. С.А. Ермолинский в своих воспоминаниях о М.А. пишет: «Передо мной его фотография. На ней написано: “Вспоминай, вспоминай меня, дорогой Сережа”. Фотография подарена 29 октября 1935 года.» [3. С. 106]. Из этого можно вывести, что фотография Булгакова подарена Ермолинскому. Между тем имеются бесспорные доказательства того, что это не так. Н.А. Ушакова прямо говорила мне, что в 1935 году Ермолинский не был настолько близок с Булгаковым, чтобы тот называл его Сережей и не мог подарить ему эту фотографию. То же утверждала и первая жена Е. – Марика Артемьевна Чимишкиан. Есть и доказательства специалиста-фотографа Юрия Кривоносова, досконально изучившего все фотографии М.А. Булгакова [9]. О том же пишет и Н.В. Шапошникова в своей статье [6. С. 122].

В своих воспоминаниях Ермолинский упорно подчеркивает свою близость с М.А., совершенно не упоминая о ближайших друзьях последнего, таких, как Николай Николаевич Лямин, Николай Робертович Эрдман. Но именно после ареста обоих и произошло сближение осиротевшего Булгакова с Ермолинским. Все подтасовки и натяжки его воспоминаний убедительно показаны в упоминавшейся выше статье Н.В. Шапошниковой.

Таковы некоторые замечания одной из младших современниц М.А. Булгакова по поводу прочитанных книг, посвященных великому писателю.

Литература

1. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. Книжная палата. М., 1988.
2. Булгакова Е.С. Дневник. Книжная палата. М., 1990.
3. Ермолинский С. Из записок разных лет. Искусство. М., 1990.
4. Виленкин В.Я. Воспоминания с комментариями. Искусство. М., 1982.
5. Смелянский А.М. Михаил Булгаков в Художественном театре. Искусство. М., 1989.
6. Шапошникова Н.В. Москва и москвичи вокруг Булгакова // Новый журнал. 1987 (Нью-Йорк). №166.
7. Воспоминания о Михаиле Булгакове: Советский писатель. М., 1988.
8. Лосиевский И. Любовь Евгеньевна // Октябрь. 1991. № 2.
9. Кривонос Ю. Осторожно: история! // Современное фото. 1988. № 4.
10. Булгаков М.А. Под пятой. Мой дневник // Огонек. 1989. № 50. С. 16–18.

*Публикация и очерк о Н.С. Авиловой подготовлены ее дочерью
© К.В. Авиловой*